

РОССИЯ В
МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО МОЯ ПРОЗА ОТРАЖАЕТ МЕНЯ ДОВОЛЬНО ВЕРНО»

Последняя гофмейстерина императорского двора и ее мемуарное наследие

Теперь вся жизнь прожита, все перестрадано и переборено, вследствие чего и получилась возможность открыть уста.

Е.А. Нарышкина

В этой книге впервые собраны дошедшие до нас воспоминания Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, урожденной княжны Куракиной, которая не только принадлежала к одному из знатнейших русских дворянских родов и была связана семейными узами с российским императорским домом, но и сама сыграла значительную роль в жизни императорской семьи. Ее служба при дворе трех последних российских императоров продолжалась в общей сложности 43 года и закончилась только с отречением Николая II от престола, в наивысшем придворном звании первой статс-дамы и гофмейстерины русской императрицы.

Воспоминания Е.А. Нарышкиной оставались до сих пор практически неизвестными. Причины этого различны: напечатанные в 1906 г. только для друзей «Мои воспоминания», в которых Е.А. Нарышкина излагает события первой половины жизни, были изъяты ею из обращения, сохранились лишь в нескольких экземплярах и не переизданы; книга мемуаров «Под властью трех царей», вышедшая на немецком языке в 1930 г., не была переведена на русский язык, хотя были изданы ее английский и итальянский переводы; отрывки из дневника Е.А. Нарышкиной за 1917 г. — «С царской семьей под арестом» — публиковались лишь в периодике (в 1936 г. в парижской газете «Последние новости»).

* * *

Е.А. Нарышкина, урожденная княжна Куракина, родилась в Петербурге 8 декабря 1838 г. в старинной аристократической семье¹. Ее отец — князь Алексей Борисович

¹ В сохранившемся фрагменте черновика «Моих воспоминаний» Е.А. Нарышкина писала: «Не начну с нашей родословной. Она довольно известна — ее, впрочем, можно найти в нашем семейном архиве. Скажу только, что не помню того времени, когда мы не знали, что происходим от Гедимины и что кровь Рюрика и царей Грузинских, потомков царя Давида, прибавила свои струйки к основному литовскому первоисточнику» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088. Л. 17).

Куракин — правнук сподвижника и свояка Петра I князя Б.И. Куракина — дипломат, художник-любитель, музыкант и коллекционер — был человеком увлекающимся и художественно одаренным. По воспоминаниям дочери, «князь Алексей Борисович унаследовал от своей матери пламенную душу, пылкое воображение, впечатлительность, тонкое понимание искусства. Он был высоко образован, любил классиков. Писал сам много: письма, дневники и стихи, по преимуществу, на французском языке, который знал в совершенстве. Эстетическое чувство выражалось и в других формах. Сохранилось много картин его кисти, особенно портретов членов его семейства, также бюст кн. Юлии Федоровны, изваянный им из глины. Музыкальный талант его был несомненный. Он играл на фортепианах прекрасно, с выразительностью и силой, и с удивительной легкостью, никогда не упражняясь в механизме игры. Всегда наизусть. Touché его был легкий и звучный. Он сочинял много музыкальных пьес и романсов, свидетельствующих, как и произведения его в других формах искусства, о его потребности творить и облекать в жизнь идеалы, бушующие в его страстной душе. Эти стремления касались и другой — более серьезной области: философические вопросы его глубоко интересовали, и он много читал, с большим вниманием, подчеркивал карандашом места, ему сочувственные. Душа его была по природе религиозная, и его сердце быстро постигало и принимало учение веры»².

Страстную натуру отца оттенял и уравновешивал спокойный нрав матери Елизаветы Алексеевны — Юлии Федоровны, урожденной Голицыной. Княгиня Юлия Федоровна, в отличие от мужа, обладала твердым характером, самодисциплиной и не терпела всякого рода восторженности. Елизавета Алексеевна, несомненно, унаследовала от матери стойкость характера и трудолюбие, а от отца — эмоциональность и художественный талант, проявившийся впоследствии на литературном поприще.

Поскольку князь А.Б. Куракин долгие годы находился на дипломатической службе, он вместе с женой и четырьмя детьми много лет провел за границей. И потому до пятнадцатилетнего возраста юная княжна жила в Париже. Детство, проведенное во Франции, парижская атмосфера свободы навсегда привили ей уважение к человеческой личности и веротерпимость. Елизавета Алексеевна писала: «...может быть, сознание нашего древнего происхождения и, особенно, что наше детство протекло в свободной стране, было причиной, что нам всем был чужд дух раболепства, мелкого карьеризма, которым так часто заражаются дети, воспитанные в Петербурге, в атмосфере служебных и дворцовых интриг и светской пустоты»³. Важную роль в воспитании дочери играла мать, ненавидевшая «праздность и распущенность» (с. 55)⁴ и приучавшая детей «к внешней и нравственной дисциплине и чувству ответственности». Рассматривая обучение как одну из сторон воспитания, княгиня Ю.Ф. Куракина дала детям хорошее образование.

² Нарышкина Е.А. [Биография А.Б. и Ю.Ф. Куракиных] // РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1100. Л. 1—1 об.

³ Там же. Д. 1088. Л. 17.

⁴ Здесь и далее в предисловии ссылки на страницы данного издания даются в тексте в скобках.

В раннем детстве она сама занималась их обучением, потом они посещали в Париже курсы французского языка и литературы, но самое сильное влияние оказали на юную княжну ее домашние учителя — К.В. Васильев и А.И. Поповицкий. Они развили в ней тягу к учению, умение мыслить, она хорошо знала и любила литературу и историю, научилась понимать внутренние пружины исторических событий, кроме того, интересовалась и впоследствии серьезно увлекалась философией и историей религии. Ее духовным воспитанием занимались такие высокообразованные и нравственно авторитетные люди, как отец Иосиф Васильев, который «положил непоколебимое основание ее религиозной жизни». Елизавета Алексеевна впоследствии отмечала: «Благодаря насаждениям в детстве привычки к нравственной дисциплине, культивированию совести и воли, не в смысле упрямого своеволия, но как силы, доходящей, если нужно, до самоотречения, я достигла того, что к концу моей жизни я могу передать моим детям без изъяна ту монументальную репутацию моей матери и моей бабушки, под сенью которой я начала свою самостоятельную жизнь» (с. 68—69).

После возвращения в Россию в 1853 г. ее родители поступили на службу при императорском дворе, и благодаря матери, назначенной в 1853 г. гофмейстериней⁵ великой княгини Екатерины Михайловны, юной княжне посчастливилось войти в окружение матери Екатерины Михайловны великой княгини Елены Павловны. Царившая там атмосфера высоких умственных и духовных интересов способствовала интеллектуальному и нравственному развитию молодой девушки, поддерживая в ней «природное чувство справедливости, укрепленное впечатлениями детства, проведенного в свободной стране». А благодаря отцу, ставшему в 1856 г. гофмейстером двора великой княгини Марии Николаевны, Елизавета Алексеевна познакомилась с дочерьми великой княгини — юными принцессами Марией и Евгенией Лейхтенбергскими, дружба с которыми оказала благотворное влияние на ее последующую жизнь.

23 апреля 1857 г. Елизавета Алексеевна была назначена фрейлиной императорского двора, и началась ее придворная служба, которая также проходила в кругу великой княгини Елены Павловны (она стала фрейлиной великой княгини Екатерины Михайловны). Двор великой княгини Елены Павловны был в те годы центром притяжения ряда выдающихся людей России. Посетителями «четвергов» великой княгини помимо членов императорской фамилии были писатели и поэты, музыканты, ученые, политики, чиновники, дипломаты и общественные деятели, которые обсуждали реформы государственного управления. В 1859—1860 гг. во дворце на Каменном острове работали члены редакционных комиссий, готовившие проект крестьянской реформы. В 1858 г. в Михайловском дворце Елена Павловна открыла первые классы консерватории, а в 1859 г. воплотила в жизнь идею создания Русского музыкального общества. Обладая большим нравственным авторитетом, она сумела создать такие благотворительные учреждения, которые оказали существенное влияние на развитие здравоохранения и образования в России.

⁵ Обязанности гофмейстерини заключались в заведовании придворным штатом и канцелярией императрицы или великой княгини, представлении им дам, явившихся на аудиенцию, участии в придворных церемониях и т.д.

1860 год стал переломным для Елизаветы Куракиной: безвременная смерть брата Бориса и связанный с этим глубокий внутренний кризис совершили переворот в ее душе. Впоследствии она вспоминала: «[Т]очно пелена спала с моих глаз, и я поняла, сколько эгоизма было в мечтаниях, наполнивших всю мою жизнь и которые вращались исключительно вокруг моего личного счастья. Личное счастье! Земное! Стоит ли о том думать! В силу сознанный вдруг отеческой Божией любви меня охватило чувство братства со всем человечеством. Все эти обездоленные, которых я не замечала, все эти чердаки и подвалы, наполненные существами, <...> которые стояли так далеко от меня, получили вдруг для меня удивительную близость» (с. 134). «На почве христианства» перед ней впервые встали «социальные вопросы», и тогда она решила «отрешиться от себя» и «служить Богу в лице [своих ближних]» (с. 138—139). С одобрения матери она стала предпринимать некоторые шаги в этом направлении: помогала вести дела, а затем преподавала в школе для крестьянских детей, которую устроил ее отец в имении Степановское, вела уроки в Таврической школе, основанной бароном М.О. Косинским, работала в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, где помогала отцу Александру Гумилевскому. Великая княгиня Елена Павловна, поняв серьезность ее намерений, предложила княжне руководить приютом для пожилых женщин, причем ей, совершенно неопытной девушке, было поручено и ведение финансовых дел.

С этого времени помощь обездоленным сделалась для Елизаветы Алексеевны важным и необходимым делом, а связи в высших государственных сферах часто помогали ей преодолевать трудности на поприще благотворительности.

18 августа 1865 г. Елизавета Алексеевна вышла замуж за Анатолия Дмитриевича Нарышкина и на время оставила придворную службу. Вначале все ее силы были поглощены заботой о детях: в 1866 г. она родила первенца Бориса, который прожил всего два года, затем родились сын Кирилл (28 апреля 1868 г.) и дочь Вера (1874). Но вскоре Елизавета Алексеевна переживает новый душевный кризис, связанный со смертью первенца, а затем новорожденной дочери. И вновь на помощь приходит великая княгиня Елена Павловна: зная, что Нарышкина отправляется за границу, она дает ей поручение увидеться в Париже со своей близкой подругой мадам Андре, для которой благотворительность стала делом жизни и у которой Нарышкина познакомилась с главами многих европейских христианских благотворительных организаций, чей опыт впоследствии очень ей пригодился. Оценивая влияние, которое оказали на ее жизнь великая княгиня Елена Павловна и ее окружение, Е.А. Нарышкина признавалась в письме к А.Ф. Кони в 1926 г.: «Над всем возвышается величавое представление великой княгини Елены Павловны, которую Вы лично не знали, но которую Вы так сумели понять. Для меня служит всегда предметом удивленной гордости, что меня, застенчивую и бесцветную девочку, она удостоила своим вниманием и направила на путь активной благотворительности, дав мне в самостоятельное управление богадельню Еленинского училища. Это была также почва нашего сближения с Эдитой Федоровной [Раден], советами которой я пользовалась в незнакомом для меня деле. Но вскоре великая княгиня приказала мне являться прямо к ней с моими докладами, на которых она иногда меня задерживала с личными вопросами, которые не

имели ничего общего с богадельней. Эдита же с того времени сделалась моей путеводительной звездой и лучшим другом до самой ее кончины»⁶.

Дружба с баронессой Э.Ф. Раден была для Елизаветы Алексеевны в интеллектуальном и нравственном смысле настоящей школой. Вместе с ней Елизавета Алексеевна принимала участие в организации помощи нуждающимся воинам в 1876—1878 гг., в работе Мариинского попечительства о слепых, Мариинской попечительской школы кружевниц. Баронесса Раден, полагая, что «ничто так не развивает молодой женский ум, как общение его с мужскими зрелыми умами» (с. 143), способствовала развитию молодой подруги, введя Елизавету Алексеевну в круг своих друзей, в числе которых были К.П. Победоносцев, Ю.Ф. Самарин, К.Д. Кавелин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.М. Дмитриев, Б.Н. Чичерин.

Впоследствии столь же важное место в жизни Елизаветы Алексеевны, составляя одну из ее «сердечных радостей и умственных опор», занимала дружба с первой женщиной — историком церкви, княгиней Е.Г. Волконской. Их связывали общие интеллектуальные интересы⁷, и немаловажным объединяющим их фактом была веротерпимость Нарышкиной, которая объяснялась не только воспитанием (она выросла в католической стране и имела английских гувернанток-протестанток) и превосходным религиозным образованием (у нее был умный и образованный законоучитель отец И.В. Васильев, знаток православия и исследователь католицизма, а затем она сама в Женеве прослушала курс истории религий и истории философии), но и семейными традициями: ее бабка — княгиня Е.Б. Куракина — в начале XIX в. перешла в католичество, католиками были близкие родственники ее мужа: бабка — графиня Е.П. Ростопчина и сестра его матери Софья де Сегюр, а также многие родственники по линии Нарышкиных и Голицыных, жившие в Европе.

Широта религиозных взглядов Нарышкиной, которая проявлялась в свободном общении с представителями разных христианских конфессий (православный священник Иоанн Кронштадтский, протестантский пастор Навиль, кальвинист Лагарп, англиканин Редсток или католик Сегюр), была основана на уважении к другим конфессиям, которые она считала «самыми высокими проявлениями человеческого разума» и изучение которых ее очень «завлекало». Она писала впоследствии: «Моя религия была слишком твердо основана на камне веры и познания, и при том запечатлена победой, одержанной над сомнениями, чтобы эти изучения ее могли поколебать. Они только открывали мне огромный широкий горизонт. Мне казалось, что вместо низкого потолка над моей головой поднимаются высокие своды, как у готических соборов, доходящих только почти, но не до неба — так как это все-таки не было христианство. А христианство одно содержит для меня абсолютную истину. В воображаемой мной схеме по этому предмету я представляю

⁶ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2661 (2). Л. 65 об. — 66. Письмо от 22 июня 1926 г.

⁷ Они обе серьезно интересовались религиозными вопросами, вместе много читали, ходили на лекции В.С. Соловьева, посещали литературный салон графини С.А. Толстой, занимались благотворительностью. Нарышкина была членом Петербургского благотворительного общества (с 1868 по 1871 г.), которое возглавляла Е.Г. Волконская.

ее себе так: каждая из религий, которыми жило и живет нехристианское человечество в течение долгих веков, без сомнения, содержит в себе большую или меньшую часть истины, подобно тому, как в отдельных лучах света, разбивающихся в радугу, содержится тот же световой элемент, несмотря на разность внешнего проявления каждой из его частей. Эти лучи в соединении производят абсолютный свет — как и отдельные доли истины, соединенные в свете Божеского откровения, получаемого в христианстве, сияют вместе сиянием вечным. Мы чувствуем со всем человечеством однородность в нашей потребности верить; поэтому изучение этих таинственных религий так завлекательно. К сожалению, ему предаются большей частью лица, не изучившие серьезно глубины христианства, смешивая его с ежедневным отправлением его обрядов, тогда как они видят древние религии в ореоле их идеальной высоты и восторгаются ими. Какие бы то ни были течения философской мысли (и эти течения сильно колеблют в настоящее время основы наших верований), истина останется истиной, и не раз придется повторить слова Спасителя: «Камень, которым пренебрегли жидущие, тот стоит во главе угла» (с. 223).

Расхождения в богословских вопросах не мешали Нарышкиной использовать опыт протестантов и католиков по организации благотворительных учреждений. Можно сказать, именно их конструктивный подход к этому делу утвердил ее в намерении «выйти из области фантазии и идеологии» и заняться реальной помощью людям. Возвращаясь из Европы в 1875 г., Нарышкина уже твердо знала, что хочет воплотить на практике свои идеи улучшения жизни людей — она была сторонницей продолжения реформ сверху («с высоты престола») и собиралась содействовать им на деле, для начала создав у себя в Степановском «настоящую воспитывающую школу, направляющую в желаемом смысле развитие будущего поколения» (с. 227). Во время Русско-турецкой войны 1876—1878 гг. вместе с баронессой Э.Ф. Раден Е.А. Нарышкина помогала организовать Главное попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов и вошла в его совет. В 1878 г. она стала членом комитета Общества пособия несовершеннолетним, выходящим из мест заключения. Так началась ее деятельность по оказанию помощи заключенным и их семьям, тогда же Нарышкина впервые столкнулась с проблемой социальной реабилитации бывших заключенных — проблемой, которую она будет пытаться решить многие годы.

Вскоре после смерти матери (в 1881 г.) Е.А. Нарышкиной было предложено вернуться на придворную службу, и в 1882 г. она была назначена обер-гофмейстериней великой княгини Ольги Федоровны, с условием, чтобы у нее оставалось свободное время для семьи и трудов благотворительности, «жертвовать которыми» она «не могла». Елизавета Алексеевна пробыла на этой службе 9 лет, а после кончины великой княгини Ольги Федоровны в 1891 г. была назначена статс-дамой императрицы Марии Федоровны, с 1894 г. — статс-дамой императрицы Александры Федоровны, а с 1910 г. и вплоть до Февральской революции 1917 г. занимала пост гофмейстерины императрицы⁸. За время своей службы

⁸ Она числилась гофмейстериней (хотя многие называли ее обер-гофмейстериней), а с 1914 г. являлась и первой статс-дамой императрицы (после кончины первой статс-дамы баронессы М.П. Будберг в конце 1913 г.), то есть самой старшей в иерархии придворных дам. После упразднен-

при дворе она была отмечена орденом Святой великомученицы Екатерины Малого креста (1907), в 1908 г. получила Марииинский знак отличия за 25-летие, а в 1913 г. — за 30-летие службы в благотворительных учреждениях Ведомства императрицы Марии, в июне 1912 г. ей был пожалован портрет императрицы Александры Федоровны, украшенный бриллиантами, для ношения на груди «для добавления к шифру статс-дамы». Она обладала при дворе значительным влиянием, в чем, хотя и шутя, признавался брат ее, князь Ф.А. Куракин: «Оказывается, что без тебя никакое дело в Петербурге не обходится»⁹.

В 1884 г. подруга Елизаветы Алексеевны принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, зная ее опыт и организаторские способности, учитывая ее семейные традиции¹⁰, а главное — стремясь отвлечь от тяжелых мыслей после скоростипижной смерти мужа в 1883 г., предложила ей возглавить Дамский комитет Общества попечительного о тюрьмах¹¹, которым до 1869 г. руководила двоюродная бабка Е.А. Нарышкиной — Т.Б. Потемкина, а затем сама Евгения Максимилиановна. Деятельность Е.А. Нарышкиной в тюремном комитете¹², длившаяся более 34 лет, была направлена на реформирование российской пенитенциарной системы и привела не только к значительному улучшению содержания женщин и обучению детей в местах лишения свободы, но и к облегчению их адаптации к жизни после освобождения из заключения.

Даже после Февральской революции 1917 г., находясь вместе с царской семьей под арестом в Александровском дворце Царского Села, Е.А. Нарышкина продолжала руководить работой комитета и оставила его лишь в июле 1917 г. Деятельность комитета, девизом которого было «Человеколюбием исправлять!», прекратилась сразу после октябрьского переворота 1917 г.

ния Министерства императорского двора с 1 июля 1917 г. было прекращено содержание бывших придворных. Согласно справке о лицах, «находящихся в составе бывшей гофмаршальской части», «гофмейстерина Нарышкина в службе с 15 апреля 1910 года, получает содержания 10 000 рублей, казенную квартиру и экипаж» (РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15д). Д. 14. Л. 7).

⁹ «На днях у меня был Юрий Бартенев, сын Петра Ив[ановича]. Он спит и видит получить придворный чин (что меня немало удивляет), и Жуковский <...> взялся хлопотать об этом. Я, по просьбе Бартенева, дал твой римский адрес и поэтому ожидай от Жуковского письмо, и если можно, посодействуй в этом деле, так как, оказывается, что без тебя никакое дело в Петербурге не обходится» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 151. Л. 85 об. Письмо от 8 декабря 1904 г.)

¹⁰ Ее предок князь Б.И. Куракин основал первую в России богадельню для старых и увечных воинов — странноприимный дом на Новой Басманной улице в Москве, построенный в 1742—1745 гг. по завещанию князя.

¹¹ 13 декабря 1884 г. Е.А. Нарышкина была назначена председателем Дамского комитета Общества попечительного о тюрьмах, который 16 июля 1893 г. был преобразован в Санкт-Петербургский Дамский благотворительно-тюремный комитет.

¹² См.: Краткий обзор деятельности Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, за время ее XXV-летнего председательствования в С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете 1884 — 13/ХП 1909. СПб., 1909; *Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России* М., 2005. С. 518—536.

О том, какую роль сыграла Нарышкина в облегчении участи ссыльнокаторжных и их семей, А.Ф. Кони писал: «Я был в 1891 году членом Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных, во главе которого стояла его учредительница Е.А. Нарышкина, вносящая в осуществление целей общества сердечное их понимание и большую энергию. Благодаря последней общество получило, путем призыва к пожертвованиям, довольно значительные средства и могло открыть в Горном Зерентуе Забайкальской области приют на 150 детей, попавших в обстановку Нерчинской каторги, — и затем устроить его филиальные отделения еще в двух поселениях. Она же <...> предприняла весьма решительные и настойчивые шаги, чтобы возбудить во властных сферах сознание необходимости отменить телесное наказание для сосланных в Сибирь женщин, и своим влиянием, просьбами и убеждениями дала несомненный толчок к последовавшему в 1893 году решению Государственного совета о такой отмене»¹³.

И, очевидно, не только чувством долга, но и многолетней работой в тюремном комитете с ее опытом посещения тюрем и умением облегчить положение заключенных руководствовалась Е.А. Нарышкина, когда после Февральской революции не оставила в беде семью Николая II и осталась с нею в заточении: она лучше других знала, в каком утешении и помощи нуждаются заключенные. Она даже предлагала остаться с большими царскими детьми до их выздоровления, дав возможность царской чете бежать, если появится такая возможность¹⁴. Елизавета Алексеевна пробыла под арестом до 14 мая 1917 г. и была вынуждена покинуть царскую семью вследствие тяжелой болезни и из-за боязни умереть, не повидав своих родных. Она не прерывала связи с венценосными узниками, и даже когда их увезли в Тобольск, она нашла возможность обмениваться письмами с императрицей¹⁵.

Тревожиться в ту пору за судьбу своих близких у Нарышкиной были все основания: уже в марте 1917 г., сразу после отречения Николая II, был арестован ее зять — граф Д.Н. Татищев. В июне его освободили, а летом 1918 г. снова арестовали вместе с сыном Николаем (1896—1985), которого в начале 1919 г. отпустили¹⁶, он уехал на фронт, бежал в Крым и в 1922 г. оказался в эмиграции. Сам Дмитрий Николаевич был расстрелян в ночь с 13 на 14 сентября 1919 г. Ее двадцатилетний внук Кирилл Кириллович Нарышкин (1897—1917) в ноябре 1917 г. отправился из Петрограда в Москву и пропал без вести. Ее сын Кирилл был арестован в начале 1918 г., заключен в Петро-

¹³ Кони А.Ф. Воспоминания о Чехове // Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 380.

¹⁴ С.К. Буксгевден вспоминала: «Императрица даже не захотела слушать госпожу Нарышкину, когда последняя стала говорить, что в случае, если их величествам представится возможность беспрепятственного выезда за границу, они могли бы отправиться в путь, оставив детей под присмотром самой Нарышкиной и графа Бенкендорфа. А после окончательного выздоровления детей мы с графом Бенкендорфом отвезли бы их родителям» (Буксгевден С.К. Венценосная мученица. М., 2007. С. 429—430).

¹⁵ См. два выявленных нами письма Е.А. Нарышкиной к императрице (ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 161. Л. 2—7 об.), тексты которых приводятся в приложении к данной книге.

¹⁶ Подробно об этом написала внучка Е.А. Нарышкиной княгиня И.Д. Голицына (см.: Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900—1932). М., 2005. С. 79).

павловскую крепость, где матери удалось его навестить, и умер в тюремной больнице в 1924 г. Его жену Наталью Кирилловну Нарышкину в 1925 г. выслали в Чердынь, затем в Оренбург, где расстреляли 23 октября 1937 г.¹⁷, а их младший сын Петр Кириллович Нарышкин (1902 — ?) провел несколько лет в ссылке и погиб в лагере (по некоторым сведениям — в Карлаге) во время войны. Ее внучка — графиня Ирина Дмитриевна Татищева¹⁸ — была арестована в сентябре 1923 г. и в 1924 г. выслана в Пермь; ей с семьей разрешили уехать из России в 1932 г.¹⁹ В 1924 г. была арестована и сослана сначала в Тобольск, а затем переведена в Пермь дочь Елизаветы Алексеевны — графиня В.А. Татищева, в 1926 г. ей (как потомку декабристов, в связи с годовщиной в 1925 г. восстания декабристов) разрешили уехать из России во Францию²⁰. В России осталась лишь старшая дочь Веры Анатольевны — Елизавета Дмитриевна Татищева (1894—1970), не захотевшая уезжать из России, принявшая новый строй и всю жизнь посвятившая воспитанию детей в дошкольных учреждениях²¹.

Сама Елизавета Алексеевна после освобождения из-под ареста в мае 1917 г. вела жизнь странницы. Создавая убежища для женщин, выходящих из заключения, Е.А. Нарышкина не предполагала, что сама окажется в их положении. В июне 1917 г. она собиралась воспользоваться одним из таких убежищ, но оно оказалось небезопасным, и Елизавета Алексеевна оставалась в Царском Селе, пока в октябре 1917 г. не приняла приглашение Е.П. Васильчиковой поселиться вместе с дочерью в Петрограде на Сергиевской улице²², где они прожили до лета 1918 г. После ареста зятя и внука она сняла квартиру неподалеку и пробыла там до конца 1919 г. Зимой 1920 г. Нарышкина провела в монастыре под Новгородом, о чем сообщала в письме к А.Ф. Кони 9 мая 1920 г.²³ Весной 1920 г. В.А. Татищева привезла мать в Москву, где Елизавете Алексеевне «предложил хорошую комнату в своем доме разбогатевший крестьянин» из Степановского²⁴. Зимой 1920—1921 гг. Е.А. Нарышкина переехала в село Ивашково, неподалеку от Степановского, где крестьяне укрывали ее и снабжали всем необходимым²⁵. В августе 1921 г. в Ивашково

¹⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Калуга, 1998. С. 134.

¹⁸ Замужем за князем Николаем Эммануиловичем Голицыным (1879—1958).

¹⁹ См. об этом: Голицына И.Д. Указ. соч. С. 200.

²⁰ См.: Вишневский А.Г. Перехваченные письма. М., 2008. С. 126—128.

²¹ Е.Д. Татищева еще в 1915 г. в Ярославле, где ее отец служил губернатором, была попечительницей приюта-яслей.

²² См.: Голицына И.Д. Указ. соч. С. 67.

²³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1157. Л. 44—44 об.

²⁴ Голицына И.Д. Указ. соч. С. 88. Ирина Дмитриевна пишет далее: «Бабушка всегда пользовалась любовью крестьян своего имения. Когда среди них стало известно о ее приезде и стесненных обстоятельствах, они старались всячески помогать ей. Один помог с жильем, другие привозили еду — яйца, масло, молоко; в общем — все, в чем она нуждалась. Даже была найдена милая молоденькая девушка, чтобы ухаживать за ней и прислуживать в качестве горничной».

²⁵ Помогала ей крестьянка Мария Хорева, она же заботилась о ней в Москве, проводила в эмиграцию и затем писала ей письма во Францию. Трогательные письма Марии сохранились и опубликованы в кн.: Вишневский А.Г. Указ. соч. Одно из них адресовано Е.А. Нарышкиной (от 20 июня

приехала В.А. Татищева с дочерьми, они провели там некоторое время и увезли Нарышкину в Москву. Елизавета Алексеевна пробыла в Москве до 1925 г., когда ей разрешено было уехать из России. Она направилась во Францию через Финляндию, по пути побывав в Дании, а в начале июля 1925 г. уже была во Франции, в Буа-Коломб²⁶.

Оказавшись на чужбине, Е.А. Нарышкина не утратила ни стойкости, ни деятельного отношения к жизни. 11 июня 1925 г. она отмечает: «Ну, вот и начинается новая полоса моей жизни, и это — в 86 лет! Подумать только, что я прожила так долго, прошла через столько перевоплощений и осталась самой собой! Что, несмотря на многочисленные удары, изменившие всю мою жизнь, я не потеряла рассудка! Да, это я, и это с меня спросится за то, с чем я подойду к великому дню, когда начнется моя вечная жизнь. Господь даровал мне ясный ум, и я всегда знала об этом, но воля моя по природе слаба, я не умею противиться своим земным желаниям. И все же я ощущаю руку Божью, которая вела меня, и благодарю Господа за испытания и страдания, которые выпали на мою долю как дар Его милости. Осмеливаюсь надеяться, что я не оттолкнула Его любви своими бесконечными прегрешениями и что он будет хранить меня до конца моих дней!»²⁷

Она снова ищет пристанища — «сначала у Армии спасения, потом у протестантских сестер»²⁸, ей приходится заботиться о хлебе насущном, она не приемлет бездействия, тревожится за судьбу своих, как ей кажется, непрактичных близких и пишет в дневнике 31 июля 1926 г.: «Сейчас не время <...> предаваться нытью, которое ни к чему не ведет. Надо жить и обеспечивать жизнь тем, кто от нас зависит»²⁹. При этом ее не оставляют боль и тревога за судьбу России и монархии. Она записывает: «Со жгучим интересом я читаю все, что доходит до нас, о событиях и разногласиях в бандитском правительстве, которое хозяйничает в нашей несчастной стране. Пора было бы совершить решительный государственный переворот и восстановить монархию, страна примет ее с воодушевлением. По-моему, кажется, я единственная, кто об этом говорит, надо утвердить великий принцип легитимности»³⁰. А легитимный суверен — несомненно, Николай. Дело не в его

1925 г.; с. 113—114), второе — В.А. Татищевой с соболезнованиями о смерти ее матери (с. 138—140). Отрывок из еще одного письма М. Хоревой приводит Нарышкина в письме к А.Ф. Кони от 22 июня 1926 г. (см.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2661 (2). Л. 65—66).

²⁶ См.: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 122.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Дневник Е.А. Нарышкиной цит. по: Там же. С. 130.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ Эти слова — прямая отсылка к тому, как воспринимали очень многие, и в первую очередь ее сын Кирилл Нарышкин, юрист по образованию, факт отречения от престола императора Николая II. Будучи начальником походной канцелярии государя, он был свидетелем и летописцем драмы отречения (им был составлен протокол отречения), именно он принес участникам этого действия Свод законов, в котором не было предусмотрено отречение царя, который, в свою очередь, не имел права, как опекун наследника, до его совершеннолетия отречься за него от престола, и потому передача власти великому князю Михаилу была абсолютно незаконной. И Нарышкин внутренне не смог согласиться с законностью происходящего на его глазах отречения. Думается, это было причиной того, что он, ровесник Николая II, товарищ его детских игр, флигель-адъютант и бывший начальник его походной канцелярии, после возвращения в Петроград сразу подал в отставку (31 марта 1917 г. он

достоинствах, дело в его неоспоримом праве. Надо, чтобы этот принцип был признан всем народом независимо от суждений и оценок того, кто его представляет, и чтобы, прежде всего, этот принцип признала семья. Чтобы великий князь Николай поставил на службу этому принципу свою популярность и свою шпагу — и чтобы императрица-мать отказалась от своей ребяческой веры в сказку о том, что император жив и скрывается. Во враждебности к Кириллу с ее стороны есть много от старой семейной вражды, и, конечно, было бы еще одним ударом для нее видеть, как кто-то займет место ее детей. Ей не хватает высоты души, чтобы подняться над этими личными счетами и антипатиями и признать, прежде всего, что спасение России — в объединении народа вокруг скипетра, вокруг одного человека, каким бы слабым он ни был. Самым лучшим было бы пресечь требования всех партий, которые противоречат друг другу и ведут к взаимному уничтожению. Я по-прежнему очень привязана к императрице [Марии Федоровне], будучи, наверное, последней из тех, кто окружал ее после приезда в Россию. Я ее люблю и восхищаюсь ее чистым и любящим сердцем, ее полной достоинства жизнью и благородством ее чувств. Я глубоко предана ей моим сердцем, но мой рассудок не может не видеть, насколько ошибочен избранный ею путь и насколько ее отказ видеть Кирилла усиливает распри в императорской семье и раздоры среди эмиграции. Великий князь Николай стареет в бездействии»³¹.

Последние годы жизни Е.А. Нарышкина провела в «Русском доме» в Сен-Женевьев-де-Буа, где скончалась 20 октября 1928 г. и была похоронена на русском кладбище. На ее кончину откликнулась некрологом парижская газета «Возрождение»: «Статс-дама, гофмейстерина, кавалерственная дама Елизавета Алексеевна Нарышкина, рожденная княжна Куракина, тихо скончалась на 90-м году жизни, в Русском Доме в Ste-Genevieve des Bois 17(30) октября в 11 ч. 30 мин. вечера. Погребение на местном кладбище после отпевания в домово́й церкви Русского Дома и литургия, которая начнется в 10 ч. утра в пятницу 20 окт. (2 ноября), о чем объявляет Русский Дом. Панихиды ежедневно в 3 ч. д. Поездка с вокзала Quai d'Orsay до станц. St-Michel-sur-Orge»³².

Такова внешняя канва жизни высокопоставленной и влиятельной придворной дамы, деятельной благотворительницы Е.А. Нарышкиной. Но помимо этого была другая Елизавета Алексеевна: Zizi, как все ее называли с детства, была восторженной фантазеркой, что не вызывало одобрения ее матери³³. Эмоциональная натура девочки искала

был уволен от службы («с мундиром») и более не появлялся у бывшего монарха. О нелегитимности отречения Николая II писал в своих мемуарах и обер-гофмаршал последнего русского императора граф П.К. Бенкендорф (см.: *Benckendorff P. Last days at Tsarskoe Selo. L., 1927. P. 17*).

³¹ Цит. по: *Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 131—132.*

³² *Возрождение* (Париж). 1928. № 1248. 1 нояб. С. 1. Газета напечатала также объявление о панихиде на 20-й день (Там же. № 1265. 18 нояб. С. 1).

³³ Возможно, мать опасалась за психическое здоровье дочери, помня о судьбе своей свекрови — княгини Е.Б. Куракиной, которая после измены мужа впала в безумие и, больная, дожила до очень преклонных лет. Она обладала литературным талантом и сочиняла стихи.

выход и нашла его в сочинении стихов и в писании дневника, в котором она «стала изливать» «избыток своих ощущений» (с. 257). В отрочестве и юности ее внутренняя жизнь настолько была далека от реальности, что возникло ощущение раздвоенности. Е.А. Нарышкина так описывала свое состояние: «Моя жизненность была так велика, что она создавала свою область фантазии и мечты, помимо всего окружающего. С этого времени, как мне кажется, начинается то раздвоение жизни, которое было моим уделом в течение долгих лет до той поры, пока, достигши наконец пристани, я могла собрать аккорд из бывших так часто болезненных диссонансов» (с. 83). Но в периоды острых душевных переживаний это чувство возвращалось, и вновь она замечала: «Внешняя жизнь текла по-прежнему: раздвоение между ней и моим внутренним миром было ужасно — но никто его не подозревал» (с. 179). В дневниках раздвоенность преодолевалась: в них мирно соседствовали излияния чувств, фантазии, стихи и точное, почти протокольное изложение событий. Обладая «редкой произвольной» памятью³⁴, Елизавета Алексеевна с ранних лет подробно описывала все происходившее вокруг, а окружали ее с детства «интересы общественного характера», которыми жила ее семья — семья дипломата и высокопоставленного придворного, связанного родственными узами с знатными и влиятельными семьями Европы. К тому же почти вся семья Куракиных находилась на службе при императорском дворе: отец — у великой княгини Марии Николаевны, мать — у великой княгини Екатерины Михайловны, а позднее у цесаревны Марии Федоровны, сестра Александра (с 1866 г.) — у цесаревны, затем императрицы Марии Федоровны, сама Елизавета Алексеевна — сначала у великой княгини Екатерины Михайловны, потом у великой княгини Ольги Федоровны, затем у императрицы Александры Федоровны. Находясь в гуще жизни императорской семьи, Е.А. Нарышкина обладала информацией о политических событиях и решениях высшей государственной власти из первых рук. Поэтому политика находит отражение в ее дневниках, даже когда она пишет о своих переживаниях или семейных событиях. Начав вести дневник (а писала она его по-французски, поскольку это был ее первый «природный» язык) сначала для того, чтобы было кому «поверить свои восторги», и называя его «милым и скромным наперсником» («cher et discret confident»), которому можно излить свою душу и высказать любую тайну, Нарышкина делает его хранителем не только собственных мыслей и чувств, но и важных сведений, касающихся политической жизни России. Выдержка и умение скрывать свои чувства позволили ей на протяжении многих лет находиться на службе при дворе, часто не имея возможности высказать свое мнение, и потому лишь в дневниках она позволяла себе «открыть уста». Она делилась своими

³⁴ Фрейлина, баронесса С.К. Буксгевден позже писала о Нарышкиной: «Невысокая и полная, с резко очерченными чертами, она своими зоркими глазами замечала всё. Она была ходячей энциклопедией по международной истории и литературе. <...> Она знала всех, представлявших интерес в двух веках, настолько, что Татьяна Николаевна [великая княжна] однажды, смеясь, заметила мне: “Если мадам Зизи упомянет Юлия Цезаря, я уверена, что она немедленно скажет: “Ce bon César! Quand il parlait pour Gaule, il me disait...” (Этот добряк Цезарь! Когда он отправлялся в Галлию, он мне сказал...)”» (Буксгевден С. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. М. 2012. С. 730—731).

мнениями только с очень близкими друзьями, такими, как юрист, писатель и общественный деятель А.Ф. Кони. Она не показывала никому свои дневниковые записи, даже отцу, хотя «была очень близка к нему». Нарышкина вспоминала: «Он читал мне все свои записки, размышления, стихи, наполнявшие несколько толстых тетрадей, и находил во мне понимание и отзывчивость, но я никогда не говорила ему о себе» (с. 212). Лишь с течением времени она стала осознавать ценность своих записей не только для себя, но и для других и почувствовала необходимость поделиться своим жизненным опытом.

Поводом, побудившим ее напечатать свои написанные на основе дневников мемуары, стали, очевидно, события 1905 г., которые вызвали в памяти у Е.А. Нарышкиной отчетливые ассоциации с Французской революцией 1848 года, свидетелем которой она была. И хотя хронологической границей «Моих воспоминаний» являлись события 1875 г., окончательный их текст был подготовлен к публикации в конце 1905 г.³⁵ Причем Елизавета Алексеевна писала мемуары по-русски, считая, «что в этом нет ошибки и что повествовательный язык мне доступен» (с. 207). Отрывки из них она предварительно читала вслух родным и друзьям³⁶. В деле печатания книги ее поддержала дочь известного bibliофила С.Д. Полторацкого Эрмиония Полторацкая, которая написала: «Надеюсь, что у Вас хватит присутствия духа, чтобы отстоять свои мемуары. К тому же хорошо укрыться в прошлом, поскольку настоящее полно невежд и невежества»³⁷.

Вероятно, в семье Нарышкиной много было разговоров о публикации воспоминаний, и волнения Елизаветы Алексеевны по этому поводу вызывали у родных желание ее поддержать, что и сделал в шутливой форме ее маленький десятилетний внук Кот (Николай Татищев), который, поздравляя бабушку с именинами 2 сентября 1906 г., сообщал ей: «Я пишу мемуары. <...> Целую тебя. Котик»³⁸.

В конце января или в начале февраля 1907 г. «Мои воспоминания» были напечатаны. Мемуары не были предназначены для широкого распространения, свою книгу Нарышкина дарила или давала для прочтения людям, которых уважала и мнением которых дорожила. Тем ценнее было для нее одобрение в проникновенном и сердечном отклике П.И. Бартенева:

«Когда я дочел Вашу чудесную книгу (за доставление которой почтительнейше целую Вашу правую руку), мне вспомнилось четверостишие Хомякова:

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088. Л. 7 об.

³⁶ А.Ф. Кони, например, пишет ей 22 декабря 1905 г.: «Глубокоуважаемая Елизавета Алексеевна! Я очень сильно заинтересован Вашими мемуарами и хотел бы послушать их продолжение как можно скорее. Можно ли приехать к Вам во вторник 27, часам к 9½ вечера?» (Там же. Оп. 4. Д. 138. Л. 120).

³⁷ Там же. Д. 216. Л. 43 об. — 44. Письмо от 1 сентября 1906 г.

³⁸ Там же. Д. 258. Л. 1—1 об.; и в следующем письме: «Милая бабушка. Поздравляю тебя с праздником. Мемуары я продолжаю писать. Скоро у нас будет елка. Я выкрасил эту карточку сам. Мы сделали много вещей для елки. Я катаюсь на коньках хорошо. Целую тебя. Котик» (Там же. Л. 30).

Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм.

Но кроме впечатления нравственного, книга Ваша мне драгоценна в отношении историческом. Вы описали жизнь, проведенную на вершинах общества; а в пестрой галерее выведенных лиц отраднo мне и повстречаться с теми, кого и я чтил и любил, начиная с Вашей матушки, окончая княгиней Коконию. При том, как умело соединено личное с общим, с государственным, с современным. Я невежда в оценке французских стихов, но меня привели в умиление помещенные на стр. 325. Самый язык, по свойствам своим, не поэтичен (извольте, в письмах к Гримму, прочитать, как Екатерина сравнивает его с русским). В книге Вашей не встретил я ни одного галлицизма. Слог Ваш выразителен, чему конечно способствует знакомство с языком церковным. Некоторые страницы растрогали меня до глубины сердечной. То, что вы изволили мне читать в Волосове, на меня мало действовало; но тут паки и паки целую Ваши руки. Неужели не познакомлюсь с Вашим романом? Не позволите ли мне поместить в Русском Архиве мой отзыв с выписками напр. о безучастии духовенства, с страницами о июньских днях в Париже? Известны ли Вам письма англичанки о бывшей Французской Революции? Необыкновенное сходство с тем, что мы недавно пережили (у меня на Садовой треснула стена от выстрелов). Старя (78 л.), не двигаюсь без чужой помощи, но по милости Божией, еще страстен к проявлениям высокого ума, дарований и деятельного сердца.

Не извольте предавать забвению
Петра Бартенева»³⁹.

Перемены, произошедшие в России с 1906 по 1917 г., заставили Нарышкину еще раз, по-новому, взглянуть на политические события, которые она протокольно четко фиксировала в дневниках. Мысль написать новые мемуары возникла, вероятно, в 1917 г., когда стали очевидны последствия роковых ошибок, совершенных российской монархией на протяжении последних трех царствований. Нарышкина начинает осмыслять и пересматривать свои взгляды на события, произошедшие в России. Она осознает, что многие не понимают происходящего, и 8/21 апреля 1917 г. записывает в дневнике: «У многих нет другого горизонта, кроме света, его блеска, — и желания бежать из России. Незнакомство с историей — феноменальное. Никакого понятия не только о философии истории, но о внешних фактах, на которых она строится» (с. 423—424). Елизавета Алексеевна понимает, что, являясь очевидцем и участником важных исторических событий, обязана высказать свою точку зрения на историю трех последних царствований. В ее дневнике за 1917 г. имеются указания на то, что она вновь взялась за написание мемуаров. Она использует свои дневники и старые подготовительные материалы к воспоминаниям, опубликованным в 1907 г., по соображениям хронологии не вошедшие в них. Об этом свидетельствует фрагмент, который был написан в 1905 г.⁴⁰

³⁹ ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Д. 2583. Л. 3—4. Письмо от 17 января 1908 г.

⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088.

Вначале она намеревалась подробно рассказать о событиях, связанных с убийством императора Александра II и восшествием на престол Александра III. Эту часть воспоминаний Елизавета Алексеевна читала вслух царской семье во время пребывания под арестом в Александровском дворце Царского Села. Далее Е.А. Нарышкина хотела подробно остановиться на периоде царствования императора Александра III, что, по ее словам, раньше «невозможно было <...> сделать», так как в своей оценке она «оказалась бы слишком против течения, излагая свою мысль» (с. 424). К 1917 г. изменился ее взгляд на политику Александра III, и если раньше она была сторонницей продолжения реформ, начатых Александром II, то теперь пишет: «...откровенно говорю, что я <...> глубоко сожалела о потере надежды на преобразование России. В настоящее время мое суждение изменилось, и я теперь думаю, что в то время Государь поступил мудро, остановив разом шатанье мыслей и взяв твердой рукой единоличное кормило правления» (с. 457). Затем Е.А. Нарышкина предполагала написать обзор царствования Николая II. Таким образом, хотя хронологически новые мемуары были продолжением «Моих воспоминаний», они отражали новый взгляд на события, произошедшие в России.

В это время она уже ясно понимала значение своих записей и продолжала их вести, находясь под арестом в 1917 г., в страшные 1920-е гг. и в эмиграции. Ей чудом удалось вынести их из Александровского дворца в мае 1917 г. (когда ее, больную, перевозили в большой Царскосельский дворец), несмотря на обыск, которому подвергли все ее вещи и благодаря тому обстоятельству, что досмотр производили солдаты, которые не поняли важности этих бумаг⁴¹. Хранить их было опасно: в лучшем случае их могли конфисковать (например, в апреле 1917 г. в Крыму были конфискованы все дневники императрицы Марии Федоровны), а в худшем — расстрелять владельца. Так, дневник зятя Нарышкиной — графа Д.Н. Татищева — был обнаружен чекистами в 1918 г., и «когда его арестовали, <...> он был обвинен на основании того, что писал»⁴². От опасных бумаг избавлялись: так, еще до возвращения Николая II, в первые дни заключения (6 и 7 марта 1917 г.) в Александровском дворце Царского Села Лили Ден сожгла в красной гостиной все свои бумаги, а вместе с императрицей они уничтожили все дневники и письма Александры Федоровны, а также 9 томов дневников фрейлины Сони Орбелиани, «сохраняющих много интимных подробностей жизни императорской четы»⁴³. Она дорожила дневниками, берегла и, увидев реальную возможность их публикации, передала рукопись в 1923 г. австрийскому журналисту Рене Фюлеп-Миллеру. Остальные бумаги, в том

⁴¹ Граф П.К. Бенкендорф в своих мемуарах сообщает: «Моя жена и мадам Нарышкина заболели острым бронхитом, и последняя попросила разрешения покинуть дворец. 12 мая была подана карета Красного Креста и увезла ее. Багаж уже был отослан в Большой дворец, и солдаты подвергли его тщательному обыску, прежде чем разрешили его отправить. Каждый клочок бумаги был исследован, все было перевернуто вверх дном. <...> Когда мы спросили, почему эта работа не поручена офицером или более компетентным людям, в ответ мы услышали, что солдаты доверяют только себе и не доверяют офицерам» (*Benckendorff P. Last days at Tsarskoe Selo. L., 1927. P. 85—86*).

⁴² Голицына И.Д. Указ. соч. С. 74

⁴³ *Dehn L. The Real Tsaritsa: Close Friend of the Late Empress of Russia. L., 1922. P. 174, 176—177.*

числе дневники, Е.А. Нарышкина вывезла во Францию. В Париже она предоставила П.Н. Милокову дневник за 1917 г., перевод значительной части которого был напечатан им в 1936 г. в газете «Последние новости».

Потомки Е.А. Нарышкиной также понимали ценность исторических свидетельств, касающихся истории России, и их значение для будущих поколений. Так, в 1917 г. сын Елизаветы Алексеевны К.А. Нарышкин, который по долгу службы составлял протокол отречения императора, понимая, что стал свидетелем рокового для России исторического события, и сознавая необходимость сохранить для потомков документальные свидетельства о нем, вместе с лицами из ближайшего окружения государя собирался «записать до малейших подробностей, чуть ли не по минутам, все то, что происходило за эти три дня». Как вспоминал флигель-адъютант А.А. Мордвинов, «Нарышкин записывал все подробно под нашу диктовку, хотел напечатать на пишущей машинке и дать это описание каждому из нас. Копии телеграмм главнокомандующих мы получили, наш общий дневник он переписать не успел»⁴⁴. Кирилл Нарышкин успел написать историю отречения и передать матери, находящейся тогда в заточении в Александровском дворце. Дочь Е.А. Нарышкиной — графиня В.А. Татищева — в 1912 г. опубликовала записки своей бабки — графини Н.Ф. Нарышкиной, урожденной Ростопчиной — о событиях войны 1812 г.⁴⁵ Внуки Елизаветы Алексеевны постарались сохранить для потомков свои воспоминания об исторических событиях в России, свидетелями которых им довелось быть: графиня И.Д. Татищева (в замужестве княгиня Голицына) оставила воспоминания о своей жизни в России до 1932 г.⁴⁶, о трагических судьбах своих родственников и друзей, о своих жизненных испытаниях после революции 1917 г. (арестах и ссылке в Пермь, где состоялось ее знакомство с будущим мужем — князем Н.Э. Голицыным, о рождении в ссылке своих детей и отъезде в эмиграцию). Внук Елизаветы Алексеевны граф Н.Д. Татищев уже в ранней юности ощущал необходимость перемен. Он вспоминал: «Это было незадолго перед первой мировой войной. Мы жили тогда в Ярославле. Предпотопная Россия была больна, это ощущалось многими, и, как я теперь понимаю, люди тогда стремились не столько к свободе, сколько к равенству. <...> Может быть, как раз поэтому я и моя старшая сестра предугадывали, что очень скоро все вокруг развалится, падет прахом»⁴⁷. Во время ссылки царя в Тобольск Николай Татищев в начале 1918 г. отправился с группой молодых офицеров в Сибирь освобождать императорскую семью, после этой неудавшейся попытки он вернулся в Петроград и был арестован вместе с отцом, чудом освободившись в январе 1919 г. из большевистской тюрьмы, отправился на фронт и летом 1919 г. присоединился к Белой армии, вместе с ней оказался в Крыму, а за-

⁴⁴ Мордвинов А.А. Отречение Николая II // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев. Л., 1990. С. 119.

⁴⁵ Нарышкина Н.Ф. Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф.В. Ростопчина осенью 1812 года по описанию Н.Ф. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1912. Кн. III, вып. 3. С. 7—23.

⁴⁶ Голицына И.Д. Указ. соч.

⁴⁷ Татищев Н.Д. Письмо в Россию. Париж, 1972. С. 126—127.

тем в эмиграции. Николай Татищев уже в 9 лет сочинял стихи, рассказы и вел дневник, а в эмиграции во Франции писал стихи и воспоминания в форме литературных эссе⁴⁸. Будучи удивительно доброжелательным и отзывчивым на настоящий талант, он стал верным другом и душеприказчиком рано погибшего поэта Бориса Поплавского. Он (а затем и его дети) был хранителем архива поэта и публикатором его произведений. До конца жизни его не оставляла любовь к покинутой родине⁴⁹, это чувство он передал и своим детям, которым пришлось выполнять миссию не только хранителей исторической памяти, но и спасителей культурного достояния России. Сыну Н.Д. Татищева — правнуку Е.А. Нарышкиной — Степану Николаевичу Татищеву довелось вернуться в Россию в качестве атташе по культуре при посольстве Франции в Москве, где он пробыл три года (с 1971 по 1974 г.). В 1971 г. он познакомился с вдовой О.Э. Мандельштама Надеждой Яковлевной и по ее просьбе, чтобы спасти архив поэта от конфискации советскими властями (как когда-то его прабабка спасала свои дневники и записки), в 1973 г. нелегально вывез его во Францию, пользуясь дипломатическим иммунитетом. Степан Николаевич выполнял весьма рискованные в то время поручения А.И. Солженицына: он нелегально переправлял в Россию запрещенные книги, журналы и деньги для политзаключенных, а из России — личные письма заключенных; помог вывезти на Запад остатки архива Солженицыных, за что был объявлен персоной нон грата и выслан из СССР. В последнее время многие из потомков Е.А. Нарышкиной вернулись в Россию, возвращаются на родину потерянные и неизвестные свидетельства современников об ушедшей России. Сама Е.А. Нарышкина своими воспоминаниями и дневниками много сделала для того, чтобы не ушла «в подземный мир Гекаты навсегда»⁵⁰ память о прошлой России.

* * *

Представленный в настоящей книге корпус мемуарной прозы Е.А. Нарышкиной состоит из двух частей и приложений.

«Мои воспоминания» были напечатаны в начале 1907 г. в Петербурге в Государственной типографии, которая находилась в прямом подчинении Государственного совета.

Местом печати «Моих воспоминаний» Е.А. Нарышкина выбрала Государственную типографию не случайно: по-видимому, она изначально была настроена печатать книгу в наиболее надежной типографии, чтобы исключить несколько крайне нежелательных обстоятельств: во-первых, доступ к изданию посторонних лиц, а во-вторых, несанкционированную утечку из типографии части тиража или же незаконную печать «лишних» экземпляров.

⁴⁸ Татищев Н.Д. Указ. соч.; Татищев Н.Д. В дальнюю дорогу. Париж, 1973; отрывки из его неопубликованного романа «Сны о жестокости» и часть его переписки напечатаны в: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 30—33, 34—44, 48—52, 73—97, 133—138 и далее.

⁴⁹ Графу Н.Д. Татищеву довелось в 1973 г. снова побывать в России.

⁵⁰ Строка из стихотворения Бориса Поплавского «Ектенья».

Сохранились отдельные корректурные листы, помеченные ноябрем 1906 г.⁵¹ и январем 1907 г., а выход книги можно датировать январем — началом февраля 1907 г. Напечатана она была крайне незначительным тиражом, в продажу не поступала⁵² и предназначалась для ограниченного круга лиц, которым Нарышкина ее дарила⁵³ или же давала для прочтения. И, конечно же, часть экземпляров предназначалась для императорской семьи⁵⁴. Но далеко не все, даже самые близкие друзья автора, смогли получить книгу. В этом отношении интересно письмо Е.А. Нарышкиной А.Ф. Кони от 28 февраля 1907 г.: «Согласно моему обещанию, я послала Вам мои мемуары, но которые мне возвратились, так как в то время Вас еще не было в С.-Петербурге»⁵⁵. Вскоре она практически перестает раздавать экземпляры, более того, начинает собирать уже розданные, предпочитая лишь чтение вслух.

На обязательном экземпляре, который поступил в Императорскую публичную библиотеку из Государственной типографии, было специально помечено: «Не выдается»⁵⁶.

А.Ф. Кони, который так и не получил свой экземпляр, в мае 1907 г. писал Елизавете Алексеевне: «Мне очень интересно прослушать Ваши мемуары»⁵⁷, а в письме от 22 октября 1908 г. спрашивал: «Не скажете ли мне, до какого времени Вы думаете остаться здесь? Я бы пришел прослушать Ваши воспоминания и поделиться с Вами своими»⁵⁸.

Таким образом, издание сразу стало библиографической редкостью. Известный библиограф С.Р. Минцлов отмечает: «Нарышкина Е.А. Записки. СПб. 1906. Большая редкость. Напечатано было очень небольшое количество экземпляров, и почти все они были отобраны автором от лиц, которым они были розданы, и уничтожены»⁵⁹.

Н.П. Смирнов-Сокольский, из коллекции которого происходит экземпляр «Моих воспоминаний» Е.А. Нарышкиной, хранящийся ныне в Музее книги Российской госу-

⁵¹ См.: РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 3.

⁵² Сведений о тираже издания при сквозном просмотре сохранившихся документов Государственной типографии (ЦГИА СПб. Ф. 1510) нам обнаружить не удалось; издание не было отражено в списках прошедших государственную регистрацию книг, которые публиковал «Правительственный вестник».

⁵³ Так, В.Н. Смольянинов — редактор и издатель «Архива князя Ф.А. Куракина» — обращается к Нарышкиной: «Ваше милостивое внимание дает мне смелость повторить мою просьбу о высылке мне одного экз. Ваших воспоминаний с собственноручною надписью на нем, если Вам будет угодно вконец меня осчастливить» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1000. Л. 3 об. Письмо от 1 декабря 1908 г.).

⁵⁴ Сохранился экземпляр книги с надписью «Ее Императорскому Величеству с выражением беспредельной преданности. Автор», который был подарен Е.А. Нарышкиной либо императрице Александре Федоровне, либо вдовствующей императрице Марии Федоровне. (Книга находится в частном собрании в Петербурге.)

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2661 (1). Л. 47 об.

⁵⁶ Он сохраняется в Российской национальной библиотеке (РНБ) (книга в библиотечном переплете Императорской Публичной библиотеки, с сохранением обложки. Шифр: 330/229); второй экземпляр — из собрания баронов Икскуль — поступил туда в 1941 г. (акт С—469/6; шифр: 133/16).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 138. Л. 152 об.

⁵⁸ Там же. Л. 154 об.

⁵⁹ Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке / Сост. С.Р. Минцлов. Новгород, 1912. Вып. 2/3. С. 126. № 2485.

дарственной библиотеки (Шифр: МК С—111/8-Н), описывает его так: «В полукожаном переплете. На титульном листе автограф: “Е.А. Масальской-Суриной⁶⁰ от автора”. Книга редка чрезвычайно. Упоминает о ней едва ли не один С.Р. Минцлов в своем “Обзоре записок, дневников, воспоминаний”. <...> Покойный ленинградский букинист Ф.Г. Шилов рассказывал, что и ему, несмотря на все старания, не привелось повидать эту книгу. Причины, побудившие автора уничтожить свою книгу, становятся ясны после ознакомления с ее содержанием. Ряд критических замечаний, относящихся к членам царской фамилии и другим высокопоставленным лицам, несомненно, привлекли внимание к этим воспоминаниям, и фрейлине, по-видимому, “посоветовали” изъять книгу из обращения»⁶¹.

В российских собраниях ныне нам известны лишь пять экземпляров книги: два хранятся в собрании РНБ, два — в РГБ⁶² и один — в ОРК Библиотеки Академии наук (обязательный экземпляр, имеющий на титульном листе гербовую печать «Библиотека императорской Академии наук»). Один экземпляр хранится в славянском фонде Национальной библиотеки Финляндии⁶³.

В настоящем издании текст «Моих воспоминаний» приводится по экземпляру РГБ из собрания Н.П. Смирнова-Сокольского, который ценен тем, что в тексте имеются рукописные исправления, сделанные Е.А. Нарышкиной, которые мы учитывали при публикации.

В комментариях к «Моим воспоминаниям» отражены наиболее важные разночтения между опубликованным текстом и корректурными листами книги, выявленными нами в РГАДА (118 страниц, причем на некоторых стоит печать Государственной типографии с указанием, когда отправлен автору соответствующий лист корректуры: 9 ноября, 11 ноября, 29 ноября, 5 января)⁶⁴. Найден был и фрагмент одной из редакций воспоминаний Нарышкиной⁶⁵. В основной своей части этот текст вошел в публикацию, но в некоторых местах он значительно шире по содержанию⁶⁶, поэтому наиболее важные изъятые фрагменты приводятся нами в комментариях. Исключением является первый лист рукописи, который содержит отрывок⁶⁷, хронологически выпадающий из общего

⁶⁰ Масальская-Сурина Евгения Александровна (урожд. Шахматова; ок. 1863 — 1940) — историк, генеалог, сестра филолога А.А. Шахматова, племянница мужа сестры Е.А. Нарышкиной А.А. Козен.

⁶¹ Смирнов-Сокольский Н.П. Моя библиотека: Библиогр. описание. М., 1969. Т. 1. С. 360—361.

⁶² Уже упомянутый экземпляр из Музея книги РГБ и второй, хранящийся в Отделе рукописей РГБ (шифр: НИОР 92/Н—30), купленный, судя по штампу на последней странице — «26 октября 1946», в букинистическом магазине. На сохранившейся нижней издательской обложке есть надпись карандашом: «В продажу не поступала. 5 р.».

⁶³ Книга (шифр: Kansalliskirjasto Slavica Varasto № H2 11 a VIII) попала в библиотеку Гельсингфорского университета в качестве обязательного экземпляра.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 3.

⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1—23. Рукопись карандашом на сложенных вдвое разрозненных 12 листах in folio.

⁶⁶ Так, Нарышкина гораздо жестче и эмоциональнее характеризует поведение русских церковных иерархов во время революции 1905 г. (Там же. Л. 17).

⁶⁷ Речь в нем идет о помощи графа Н.П. Игнатьева в получении денег для создания школ для детей ссыльнокаторжных на Сахалине.

контекста, так как события, описываемые в нем, относятся к 1891 г., между тем как «Мои воспоминания» заканчиваются 1875 годом (сокращенный вариант этого текста вошел во вторую книгу ее мемуаров).

Книга «Под властью трех царей» впервые публикуется на русском языке. В первых четырех главах ее хотя и описываются повторно некоторые события, представленные в «Моих воспоминаниях», но в то же время в них включены эпизоды, которые по каким-то соображениям не вошли в издание 1906 г., в том числе рассказ о салоне графини С.А. Толстой и знакомстве автора с Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, В.С. Соловьевым и А.Ф. Кони. Далее, с пятой главы, автор как бы продолжает повествование, начатое в «Моих воспоминаниях», и описывает события, происходившие с 1876 г. до 14 августа 1917 г. — даты отправки царской семьи в Тобольск.

Мы публикуем обратный перевод с немецкого на русский язык книги, выпущенной в 1930 г. под редакцией Рене Фюлеп-Миллера. История этого издания так же авантюрна, как и личность самого издателя⁶⁸.

Филипп-Рене-Мария Мюллер (Müller; 1891—1963), взявший себе литературный псевдоним Рене Фюлеп-Миллер (René Fülöp-Miller), — австрийский журналист, публицист, историк, литературовед и культуролог — прожил увлекательную, насыщенную приключениями жизнь. Сын врача-психиатра, он обучался в университетах Вены, Лозанны и Парижа, имел диплом химика-фармацевта, затем стал психиатром, постигал психоанализ, дружил и переписывался с Зигмундом Фрейдом. После окончания учебы он много путешествовал, начал публиковать заметки в немецких и австрийских газетах, и журналистика его увлекла. Тогда же, по совету своего друга Стефана Цвейга, он взял себе псевдоним. Во время Первой мировой войны Рене в качестве врача оказался на русском фронте. Увиденное на войне заставило его задуматься о причинах, лежавших в основе мировых событий, и он стал серьезно интересоваться политической жизнью: весной 1922 г. присутствовал на Генуэзской конференции, где брал интервью у крупных политиков и приобрел известность. Затем он принял участие во всемирном антивоенном женском конгрессе в Лугано. Фюлеп-Миллер был одним из первых, кто стал изучать в Италии корни нового явления — зарождавшегося фашизма — и неоднократно беседовал с Муссолини. В 1922 г. Рене познакомился в Вене с двадцатилетним советским журналистом К.А. Уманским (1902—1945), сотрудником Российского телеграфного агентства, полиглотом, знатоком искусства, автором книги о художниках русского авангарда «Новое искусство в России», написанной им в восемнадцатилетнем возрасте и изданной в Потсдаме на немецком языке⁶⁹.

Р. Фюлеп-Миллера и К.А. Уманского объединило увлечение литературой, в частности произведениями Ф.М. Достоевского, к тому же Фюлеп-Миллера, как психиатра

⁶⁸ Его биография выходила отдельным изданием: *Vance W. René Fülöp-Miller's search for reality*. L., [1929], а также в послесловии к публикации его романа «Katzenmusik» (*Fülöp-Miller R. Katzenmusik*. Bonn, 1998. S. 158—196).

⁶⁹ См.: *Umansky K. Neue Kunst in Rußland 1914—1919*. Potsdam; München, 1920.

и психоаналитика, интересовала сама личность писателя. Вероятно, рассказы Уманского вызвали у Рене такой интерес к России, что в том же 1922 г. приятели отправились в Москву. Фюлеп-Миллер оказался в России периода НЭПа, когда, с одной стороны, наблюдался взлет нового искусства, а с другой стороны, шло невиданное гонение на старую интеллектуальную элиту страны, готовилась высылка за границу писателей и профессоров, уничтожалась аристократия, а многие выдающиеся деятели искусства и их семьи голодали. Рене оказался в самой гуще новых литературных, музыкальных и театральных течений. Он увлекался конструктивизмом и биомеханикой, посещал Центральный институт труда, познакомился с Мейерхольдом, Маяковским и даже поступил учиться в Высший литературно-художественный институт, основанный В.Я. Брюсовым в 1921 г. В то же самое время он познакомился с наследниками Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого и предложил опубликовать за рубежом их неизданные сочинения. Для решения связанных с этим финансовых проблем Рене на короткое время уехал в Вену, где получил необходимые средства. В результате ему удалось приобрести и затем впервые опубликовать дневник А.Г. Достоевской⁷⁰, а также фрагменты произведений писателя⁷¹. Дочь Л.Н. Толстого Александра Львовна доверила Рене для публикации на Западе неизданные произведения отца: многие короткие рассказы, заметки, письма и записи бесед Толстого⁷². На основе многих ранее неизвестных документов А.Л. Толстая и Р. Фюлеп-Миллер опубликовали книгу «Бегство и смерть Толстого»⁷³, а в 1927 г. вышло исследование Фюлеп-Миллера «Неизвестный Толстой»⁷⁴.

Находясь в России в 1922—1925 гг., Рене собрал материалы для нескольких книг, касающихся истории и культуры России⁷⁵, причем автора интересовали ранее не исследо-

⁷⁰ См.: Das Tagebuch der Gattin Dostojewski. München, 1925. Переводчиком на немецкий язык стал брат К.А. Уманского Дмитрий, живший в это время в Вене. Тогда же Фюлеп-Миллер издал свое психологическое исследование «Достоевский и рулетка» (*Fülöp-Miller R. Dostojewski am Roulette. München, 1925*) и книгу «Неизвестный Достоевский» (*Fülöp-Miller R. Der unbekannte Dostojewski. München, 1926*).

⁷¹ Raskolnikoffs Tagebuch: mit unbekanntem Entwürfen, Fragmenten und Briefen zu «Raskolnikoff» und «Idiot». München, 1928; Die Urgestalt der Brüder Karamasoff: Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. München, 1928.

⁷² Книга вышла на английском языке: New light on Tolstoy: literary fragments, letters and reminiscences not previously published; issued under the authority of the Tolstoy family / Ed. by R. Fülöp-Miller; translated by P. England. L., [1931].

⁷³ Tolstoj's Flucht und Tod / Geschildert von seiner Tochter Alexandra. Mit den Briefen und Tagebüchern von Leo Tolstoj, dessen Gattin, seines Arztes und seiner Freunde, herausgegeben von René Fülöp-Miller und Friedrich Eckstein. Berlin, 1925.

⁷⁴ *Fülöp-Miller R. Der unbekannte Tolstoj. Wien, 1927.*

⁷⁵ В 1926 г. в Вене была опубликована его книга «Дух и лицо большевизма» (*Geist und Gesicht des Bolschewismus: Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Russland. Zürich [u.a.], 1926*), а в 1927 г. вышли «Святой черт. Распутин и женщины» (*Der heilige Teufel: Rasputin und die Frauen. Leipzig, 1927*), «Ленин и Ганди» (*Lenin und Gandhi. Zürich, 1927*) и исследование о русском театре (*Das russische Theater: Sein Wesen und seine Geschichte mit besonderer Berücksichtigung der Revolutionperiode. München, 1927*).

ванные социальные и психологические аспекты. Он изучал корни русского менталитета на примере Распутина, а затем — Ленина и пришел к выводу о влиянии религиозного сектантства, особенно его умения манипулировать людьми, на идеологию и методы управления в большевистской России. Он также отмечал опасность большевизма для европейской цивилизации. Спорность выводов Фюлеп-Миллера не умаляет, однако, значения его книг — они имели большой резонанс и совершенно рассеивали тот иллюзорный образ России, который пыталась создать на Западе советская пропаганда.

В поисках источников для своих книг он усердно собирал и изучал документы, искал и опрашивал свидетелей важнейших исторических событий. Именно таким образом в процессе подготовки книги о Распутине он и познакомился в 1923 г. в Москве с Е.А. Нарышкиной, которая в это время жила в постоянном ожидании ареста: ее дети уже были арестованы, один внук погиб, другой внук и внучка арестованы и высланы. В своей каморке она много вечеров подряд читала ему свои дневники. Фюлеп-Миллер понял их исключительную ценность, и по его просьбе Елизавета Алексеевна согласилась на основе своих набросков и заметок подготовить книгу мемуаров, а Рене приобрел рукопись с правом ее опубликовать⁷⁶.

Текст воспоминаний, который перешел в его руки, был написан Е.А. Нарышкиной по-русски, вероятно всего, в 1917—1923 гг., на основе как свидетельств собственной памяти, так и дневников, которые она вела по-французски на протяжении всей жизни. Кроме того, Елизавета Алексеевна использовала и черновики к «Моим воспоминаниям»⁷⁷. Помимо дневника она в 1917 г., находясь под арестом, записывала что-то в тетради, «где больше места» (с. 444), так как события тех дней в прямом и переносном смысле не могли уложиться в карманный формат «Памятной книжки на 1917 год», подаренной ей императрицей Александрой Федоровной.

Сама Нарышкина впоследствии писала: «[В] 1923 году я вверила свои воспоминания г. Мюллеру, так как преследования были в полном разгаре и мемуары были бы, несомненно, конфискованы. Этот издатель обещал мне не опубликовывать их без моего согласия, и чтобы я указала ему пассажи, которые нужно будет изъять. <...> Мы не заключили легального договора, ввиду внутренних обстоятельств. Я была довольна уже тем, что рукопись моя благополучно пришла в Вену. Он дал мне 500 долларов за мой труд. Это мало, но у меня не было выбора» (с. 396).

Фюлеп-Миллеру удалось вывезти все купленные в России документы благодаря А.В. Луначарскому, с которым его познакомил К.А. Уманский и который оказывал

⁷⁶ Помимо рукописи мемуаров Е.А. Нарышкина предоставила в распоряжение журналиста фотографии для книги о Распутине. Перечисляя источники иллюстраций, Фюлеп-Миллер упоминает и Нарышкину (см.: *Fülöp-Miller R. Der heilige Teufel. S. 432*).

⁷⁷ Это подтверждается содержанием уже упоминаемого фрагмента черновика Нарышкиной, текст которого писался в 1905 г. и в целом совпадает с опубликованными в 1906 г. «Моими воспоминаниями», но один отрывок, где говорится о графе Игнатеве, текстологически совпадает с фрагментом XVII главы публикации Фюлеп-Миллера.

молодому австрийскому журналисту всяческое содействие, возможно, намереваясь использовать его для работы в Коминтерне. Когда же в 1925 г. Нарышкина оказалась во Франции, она обратилась к Фюлеп-Миллеру с просьбой вернуть ей еще не опубликованную рукопись для редактуры, чтобы в тексте «не было ничего неприятного для меня (*désagréable*) по последствиям, которые это могло бы иметь» (с. 396). Ответа на свое письмо она не получила. В 1927 г. Фюлеп-Миллер в книге о Распутине указал среди источников и рукопись воспоминаний Нарышкиной как находящуюся у него в собственности⁷⁸. Смерть Елизаветы Алексеевны в 1928 г. освободила Фюлеп-Миллера от моральных обязательств перед ней, и в 1930 г. он напечатал в Вене немецкий перевод воспоминаний без купюр.

После прихода нацистов к власти Фюлеп-Миллер переехал из Германии во Францию, а в 1939 г. вместе с женой, поэтессой и переводчицей Эрикой Левендал (1911—1990), эмигрировал в Америку, в город Ганновер (в штате Нью-Гемпшир), где читал в Дартмут-колледже лекции по русской культуре и социологии, затем вел курс истории культуры в Хантер-колледже в Нью-Йорке, писал статьи, опубликовал несколько романов и исследований, посвященных истории церкви, культурологии и социальной психологии. Умер в 1963 г. Документы его архива рассеяны по библиотекам Германии⁷⁹ и США⁸⁰, но рукопись воспоминаний Е.А. Нарышкиной нам среди этих материалов отыскать не удалось⁸¹.

Публикация столь ценных мемуаров иностранцем, к тому же не на русском языке, вызвала неодобрение в среде русской эмиграции. А то обстоятельство, что Фюлеп-Миллер не внял просьбам Е.А. Нарышкиной и опубликовал текст без купюр, сразу же вменили ему в вину в качестве непорядочного поступка. Кроме того, издателя стали упрекать в «весьма произвольном» отношении к авторскому тексту. Особенно здесь нужно отметить выпады П.Н. Милюкова, который в 1936 г. напечатал в редактируемых им парижских «Последних новостях» переводы фрагментов из дневника Е.А. Нарышкиной за 1917 г., сопоставив их с текстом мемуаров. Хотя он и не подверг сомнению подлинность мемуаров как таковых, но все-таки попытался поставить под сомнение работу публикатора, например писал, что «в немецком тексте сокращения гораздо более значительны, даты перепутаны, а есть и произвольные вставки». Правда, он ниже сам

⁷⁸ См.: *Fülöp-Miller R. Der heilige Teufel. S. 435.*

⁷⁹ В Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (Bayerische Staatsbibliothek) и в «Архиве лиц, бежавших от нацизма», хранящемся в Немецкой государственной библиотеке (Deutsche Nationalbibliothek. Deutsches Exilarchiv 1933—1945) во Франкфурте-на-Майне.

⁸⁰ Наиболее крупный архивный фонд Фюлеп-Миллера хранится в библиотеке Дартмут-колледжа в Ганновере (Hanover, New Hampshire, USA. Dartmouth College Library); несколько писем хранятся в университетской библиотеке Олбэни в Нью-Йорке.

⁸¹ Благодаря сотрудникам архивов: Риту Шефер (Rita Schäfer) из Мюнхена, Сару Хартвел (Sarah Hartwell) из Ганновера, Катрин Кокот (Katrin Kokot) и Сильвию Асмус (Sylvia Asmus) из Франкфурта-на-Майне за помощь в поиске рукописей Е.А. Нарышкиной.

же и объясняет это обстоятельство: «Некоторое затруднение тут составляет тот факт, что в руках Фюллопа-Мюллера находился, по-видимому, несколько измененный текст дневника и что в некоторых случаях эти изменения сделаны Е.А. Нарышкиной при передаче ему материалов» (с. 397, 417).

Действительно, один тот факт, что П.Н. Милюков печатал фрагменты дневника, а Фюлеп-Миллер — мемуары, для которых этот дневник был лишь одним из источников, без труда объясняют несовпадение текстов, которые изначально не должны были быть идентичными. А сами замечания П.Н. Милюкова о том, что он при публикации записей дневника обращался к немецкому изданию, «прежде всего, чтобы установить несколько дат из биографии Е.А. Нарышкиной», также лишь утверждают нас во мнении, что истинной причиной его нападок на Фюлеп-Миллера явилась ревность Милюкова-издателя.

Обвинения же П.Н. Милюкова, будто Фюлеп-Миллер произвольно вставлял в текст некоторые пассажи — например, о том, что царицу подозревали в связях с Германией во время войны, — и вовсе несправедливы. Во-первых, именно об этом говорил сам Милюков на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г.⁸², и вдруг, «двадцать лет спустя», в 1936 г., он приписывает их Фюлеп-Миллеру. Во-вторых, сама мысль о возможной измене императрицы выражена в мемуарах в сослагательном наклонении, и Е.А. Нарышкина говорит только об опасении за неправильное поведение императрицы, которое может быть превратно истолковано, и о том, что у Вырубовой могли храниться компрометирующие царицу документы⁸³.

В целом, если сравнивать текст «Под властью трех царей», во-первых, с текстом «Моих воспоминаний», во-вторых, с фрагментом рукописи мемуаров Нарышкиной, хранящейся в ГАРФ, где дается описание смены царствования в 1881—1883 гг. (о ней пойдет речь ниже), и, в-третьих, с дневником за 1917 г., опубликованным П.Н. Милюковым, то без труда фиксируются многочисленные фактические, стилистические и даже дословные совпадения. Более того, при сопоставлении этих источников можно видеть, что когда Фюлеп-Миллер, редактируя авторский текст, ради сокращения длиннот самостоятельно группирует отдельные фразы и абзацы, то не нарушает авторского изложения последовательности событий и не искажает смысл происходящего. Единственным недостатком такого сокращения, который был нами усмотрен, явилась путаница в датах событий апреля 1917 г., поскольку одни оказались указаны по новому, а другие — по старому стилю.

Стоит оговорить и то обстоятельство, что удивительная точность сведений, содержащихся в мемуарах Е.А. Нарышкиной, многократно подтверждена внушительным рядом

⁸² В своей речи на заседании IV Государственной думы 1 ноября 1916 г. Милюков обвинил правительство в бездействии, а царицу — в том, что вокруг нее образуется прогерманская партия, целью которой является заключение сепаратного мира, и задавал вопрос: «Что это, глупость или измена?»

⁸³ Обоснованность таких опасений со всей очевидностью подтверждают современники событий: граф П.К. Бенкендорф и Лили Ден (см.: *Benckendorff P. Op. cit.*; *Dehn Lily. Op. cit.*).

ее современников⁸⁴, а некоторые (например, А.Ф. Керенский) даже использовали большие фрагменты ее мемуаров для написания собственных воспоминаний⁸⁵.

Перевод русского текста мемуаров «Под властью трех царей» на немецкий язык был выполнен баронессой Агнетой фон Бер. И несмотря на утверждения П.Н. Милюкова, будто в результате мемуары оказались «мало замеченной книжкой», уже через год они были изданы в переводе на английский и итальянский языки⁸⁶.

Появление в печати в 1930 г. немецкого перевода мемуаров «Под властью трех царей» не только вызвало гневную критику П.Н. Милюкова, но, несомненно, явилось для него побудительной причиной, чтобы позднее опубликовать дневник Е.А. Нарышкиной за 1917 г. По замыслу П.Н. Милюкова, публикация русского перевода попавшей в его распоряжение «Памятной книжки на 1917 год», содержащей дневниковые записи на французском, должна была, вероятно, противопоставить подлинный документ вышедшей книге и доказать несостоятельность его оппонента — Рене Фюлеп-Миллера. На деле же оказалось, что дневник и мемуары дополняют и уточняют друг друга.

Действительно, те выдержки из дневника за 1917 г., которые Е.А. Нарышкина приводит в мемуарах «Под властью трех царей», носят гораздо более обобщенный, аналитический характер, между тем как сами ее дневниковые записи, изданные П.Н. Милюковым, отличаются насыщенностью историческими фактами, скрупулезное изложение событий и фиксация множества важных деталей. К тому же отрывки из дневника, вошедшие в мемуары «Под властью трех царей», включают в себя только выборочные записи с 27 февраля / 12 марта по 30 марта / 12 апреля, а также несколько фрагментов за апрель и май и обрываются 18/31 июля 1917 г., в то время как дневник начинается 1/14 января и заканчивается 14/27 августа 1917 г., а потому содержит более подробные сведения о жизни автора мемуаров в те трагические дни.

Таким образом, воспроизведение опубликованного П.Н. Милюковым⁸⁷ дневника Е.А. Нарышкиной за 1917 г. вместе с ее мемуарами «Под властью трех царей» позволяет

⁸⁴ Об этом свидетельствуют, например, дневники и переписка коронованных особ: Александра II, Александра III, Николая II, императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, великих князей: Константина Николаевича, Александра Михайловича, Гавриила Константиновича; дневники фрейлин и светских дам: А.Ф. Тютчевой, графини А.А. Толстой, баронесс Ю.А. Ден и С.К. Букстевден, графини М.Э. Клейнмихель; воспоминания и дневники придворных: графа С.Д. Шереметева, князя В.П. Мещерского, В.Н. Воейкова, графа П.К. Бенкендорфа; государственных деятелей: графов П.А. Валуева и В.Н. Коковцова, А.А. Половцова, С.Е. Крыжановского, князя Н.Д. Жевахова, А.А. Мосолова; иностранных послов: М. Бомпара, Д. Бьюкенена, М. Палеолога и многих других.

⁸⁵ См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары / Пер. с англ. М., 1993. С. 232—233.

⁸⁶ Under three Tsars. The memoirs of the lady-in-waiting Elizabeth Narishkin-Kurakin / Edited by R. Fülöp-Miller. Translated from the German by J.E. Loesser. N.Y., 1931; Sotto tre zar; memorie di una marescialla di corte Elizaveta Kurakina Naryshkina / Pubblicate da René Fülöp-Miller. Traduz. dal tedesco di L. Bandini. Firenze, 1931.

⁸⁷ Публикация Милюкова, в свою очередь, также грешит мелкими неточностями, например, в последней записке к Нарышкиной императрица благодарит свою гофмейстерину за 23 года вер-

не только более точно и полно проследить развитие исторических событий, зафиксированных Е.А. Нарышкиной в дневнике в переломном для России 1917 г., но и оценить справедливость ее суждений и взглядов на эти события.

Поскольку введение, которое предпослал этой публикации П.Н. Милюков, а также ремарки по ходу повествования имеют самостоятельное историческое и археографическое значение, мы приводим текст публикации целиком по газетной публикации в «Последних новостях», снабдив его необходимым комментарием.

Таким образом, «Мои воспоминания», «Под властью трех царей» и «С царской семьей под арестом» не только продолжают и дополняют друг друга, представляя собой картину полувековой жизни русского двора, но и являются своего рода трилогией, хотя и не задуманной изначально, но силою исторических обстоятельств XX в. сложившихся в таковую.

Вместе с тем в процессе нашей работы было выявлено значительное число материалов, относящихся как непосредственно к подготовке мемуаров (варианты, черновики, наброски), так и к личности автора (материалы по благотворительной деятельности и эпистолярные источники), которые зримо дополняют тексты Нарышкиной. Они приводятся в приложении.

Как указывает Е.А. Нарышкина в дневнике за 1917 г., во время пребывания под арестом в Александровском дворце Царского Села она читала семье бывшего императора фрагменты своих воспоминаний⁸⁸. В бумагах Александры Федоровны в ГАРФ удалось найти и сам текст — «Последний день жизни Александра II и начало царствования Александра III»⁸⁹. Это 22 листа машинописи с правкой чернилами. Он содержит отрывок воспоминаний Е.А. Нарышкиной, который начинается событиями последнего дня жизни и убийством императора Александра II (1 марта 1881 г.) и заканчивается описанием коронации Александра III (15 мая 1883 г.). Сохранившийся текст представляет собой русский оригинал фрагмента книги «Под властью трех царей», значительно сокращенный при переводе для издания на немецком языке. Из его содержания совершенно ясно, что он написан после революции 1917 г. на основании дневниковых записей, поскольку в них Е.А. Нарышкина дает оценку событий, произошедших после революции, о чем и сама пишет в этом тексте. Неизвестно, на каком этапе были проведены сокращения, — в процессе авторской работы над рукописью в 1920-е гг. или на этапе редакционной подготовки. Отрывок этот ценен в качестве ранней редакции русского оригинала книги «Под властью трех царей». Мы сохранили при публикации специфические особенности в написании слов (пенуар, пальятивы и др.).

ной любви и дружбы; в тексте же изданного Милюковым дневника ошибочно: «25 лет верной любви и дружбы» и т.п.

⁸⁸ См.: запись от 20 марта / 2 апреля 1917 г.: «Читала вторую часть своих воспоминаний, которая заинтересовала моих слушателей» (С царской семьей под арестом. Дневник обер-гофмейстерины Е.А. Нарышкиной // Последние новости. 1936. № 5553. 7 июня. С. 2).

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 501.

Кроме указанного текста в приложении публикуются три письма, которые были выделены нами из значительного корпуса эпистолярия Е.А. Нарышкиной, просмотренного в процессе подготовки настоящего издания, ввиду их особенного значения для характеристики Е.А. Нарышкиной — два письма к бывшей императрице Александре Федоровне, написанные в 1918 г., а также письмо А.Ф. Кони, присланное ею уже из эмиграции в 1926 г. Первые два письма являются последними знаками многолетнего преданного служения Елизаветы Алексеевны Нарышкиной императорской фамилии, а письмо к А.Ф. Кони, по сути, подводит итог ее продолжительной, богатой событиями и трагическими поворотами жизни.

* * *

Публикация этой книги не могла бы осуществиться без помощи моих коллег — сотрудников РГАДА, ГАРФ, РГАЛИ, РГИА, РГБ, РНБ, Тверского государственного объединенного музея и Библиотеки Бейнеке Йельского университета, за что сердечно их благодарю.

Искренне благодарю В.А. Мильчину и М. Шрубзу за ценные замечания, касающиеся перевода французского текста, а О.Ю. Бычкову за помощь при переводе немецкого текста.

Выражаю особую признательность Т.А. Лаптевой и Е.Е. Лыковой за их постоянную дружескую поддержку.

Благодарю моего сына П.А. Дружинина, который был инициатором этой публикации.

Е.В. Дружинина

